

рии славянских литературных языков. А. Едличка в статье «К развитию науки о славянских литературных языках» анализирует три направления в исследовании этой проблематики — общетеоретическое, монолингвальное, полилингвальное. Здесь подчеркивается и вклад Л. А. Булаховского в развитие богемистики на Украине. В. М. Русаковский, опираясь на наследие Л. А. Булаховского, дает аналитический очерк истории славянских литературных языков. «Сравнительная история славянских литературных языков, — по мнению автора, — с одной стороны, является направлением, интегрирующим историю развития отдельных славянских литературных языков, а с другой — составной частью истории развития славянских культур» (с. 159). В сборник включен и ряд статей по конкретным проблемам, связанным с развитием и функционированием славянских литературных языков: «Среднеднестровский, волынский и подольский говоры и их отношение к новому украинскому литературному языку» (И. Г. Матвияс), «Украинские лексические элементы в системе выразительных средств русского литературного языка» (Г. П. Ижакевич), «Из украинско-севернорусских лексических параллелей. I» (П. Е. Гриценко), «Функционально-семантический синкретизм реплик художественной прозы» (М. К. Милых), «Из наблюдений над использованием музыкальной терминологии в украинской поэзии» (В. И. Ярмач).

Имеются в книге и статьи, посвященные анализу различных уровней языка. В. Г. Складенко исследует подударные редуцированные гласные начального слова в древнерусском языке. В. Т. Коломиец рассматривает прилагательные с суф. *-at/-oat/-, -it/-oivit/-, -ast, -ist* в славянских языках. Общие особеннос-

ти и динамические импульсы находит Т. Б. Лукинова, сопоставляя тенденции развития числительных на болгарско-македонской почве. Предметом исследования Н. С. Зарицкого является частично-видовая соотносительность глаголов современного русского языка, которая, по мнению автора, «не представляет собой универсалии для всей глагольной лексики» (с. 202). В статье Л. Дажё «Типологические гопрорсы выражения объекта в славянских языках» рассматриваются надежды, выражающие объект, анализируется роль одушевленности и партиципальности.

Как видим, сборник, посвященный столетию со дня рождения Л. А. Булаховского, масштабно представляет основные «сюжеты», вдохновлявшие еще недавно классика украинского языкознания. Важно и то, что большинство авторов этой книги следует основному научному принципу, составляющему, по нашему замечанию В. В. Колесова, важную для истории нашей науки особенность Л. А. Булаховского-исследователя: «...ст материала во всей его сложности и противоречивости к последовательным в степенях отвлеченности научным обобщениям, порождающим новую научную теорию» (с. 27). Статьи, объединенные наименованием «Л. А. Булаховский и современное языкознание», и «материальные», и теоретичные, что делает их новым шагом в исследовании проблем, интересовавших Леонида Арсеньевича. Редколлегия сборника (А. А. Белецкий, А. С. Мельничук, Г. П. Пинторак, В. М. Русаковский) во главе со своим председателем Т. Б. Лукиновой, тщательно и любовно отобрав «строительный материал» для этой книги, и возвала тем самым добротный научный монумент к столетию своего Учителя.

Мокиенко В. М.

Дикционар експликатив ал лимбий молдовенешть/Ред. принципал Бережан С. Г. Кишинэу: Карта молдовеняскэ. Вол. 1 (А—М). 1977. 847 паж.; Вол. 2 (Н—Я). 1985. 876 паж.

Выход в свет двухтомного «Толкового словаря молдавского языка» — значительное событие в лингвистической практике и культурной жизни Советской Молдавии. Издание словаря как бы подводит итог многолетней лексикографической работе молдавских языковедов. В последние десятилетия в республике издавались разные словари (двуязычные, терминологические и др.) по различным отраслям знания. Однако значение этого фундаментального лингвистического труда определяется тем, что это первый академический толковый словарь, отражающий

с достаточной полнотой исторически сложившееся на протяжении столетий лексическое богатство, функциональное и стилистическое развитие молдавского литературного языка.

Рецензируемый словарь подготовлен сотрудниками сектора лексической семантики и одноязычных словарей Института языка и литературы АН Молдавской ССР. К работе были привлечены также и некоторые квалифицированные специалисты из вузов республики. Первоначально руководителем работы был В. П. Соловьев, а затем общее руковод-

ство и научное редактирование словаря осуществил чл.-корр. АН МССР С. Г. Бережан. Следует сразу же отметить, что второй том словаря в известной мере отличается от первого. Отличия касаются не так собственно словарного материала, как его лексического представления, основанного на глубоком теоретическом исследовании лексики.

Словарю предпосланы: «Предисловие», «Принципы структурирования и описания лексики», «Особенности техники подачи материала». «Принципы структурирования...» имеют самостоятельную ценность. В данной вводной статье (т. 2) кратко охарактеризованы поставленные задачи, предпосылки создания толкового словаря молдавского языка, изложены современные методы лексикографических и семантических исследований, описана новая методика редактирования материала. Сущность нового подхода состоит в том, что словарный материал описывался не по алфавитному принципу (т. е. не слово за словом), а по морфологическим, семантическим, словообразовательным и тематическим классам с тем, чтобы у каждой группы слов был свой тип толкования. В результате была достигнута более высокая степень унификации толкований слов и оптимизирована система лингвистического описания. Особо следует отметить и приложения, которые составляют неотъемлемую часть словаря. Это «Оттономимические имена и прилагательные», «Отантропонимические прилагательные», «Образования со статусом имен собственных», «Элементы сложений».

Работа молдавских ученых над словарем велась в течение двух десятилетий. Это сравнительно небольшой срок, если учесть, во-первых, объем словаря (более 220 уч.-изд.л.), во-вторых, то обстоятельство, что его составителям приходилось в процессе работы решать во многом новые для молдавской практической лексикографии проблемы: подготовка специальной картотеки; отбор слов и составление словника; разработка теоретических принципов толкования различных частей речи, лексико-семантических и тематических групп; унификация формул толкования; отбор составных наименований и устойчивых словосочетаний; разработка принципов размещения слов в словарной статье и приемов раскрытия семантики; определение границ отдельных значений слова; семантизация многозначных слов; особенности иллюстрирования значений слов и фразеологизмов; представление в словаре интернационализмов и др.

Решение указанных проблем стало возможным на основе теоретических работ советской лексикографии и бо-

гатой практики создания толковых словарей различных языков народов нашей страны. Были использованы принципы и методика издания толковых словарей русского языка [1—5], а также опыт румынских лексикографов [6—9]. Двухтомный толковый словарь молдавского языка содержит около 60 тыс. словарных статей. Все лексические элементы, представленные в словаре, в большинстве своем функционируют в художественной, общественно-политической и научно-технической литературе, в периодической печати, в языке радио- и телевидения, а также в разговорном языке на всей территории республики.

Толковый словарь — труд лингвистический, он дает прежде всего информацию о слове [10] как единице лексико-семантической системы языка [11], поэтому одной из главных задач его является точное определение значения слов. С целью представления лексики литературного языка в разных аспектах молдавские лексикографы справедливо ставят на первое место вопрос о типах информации, содержащейся в слове и в самом слове. Такой многомерный подход к разным аспектам лексики позволяет фиксировать семантику и сферу употребления слов, их грамматические формы, стилистические характеристики, их способность к словообразованию, семантические отношения с другими словами (синонимия, антонимия, омонимия), их нормативность.

Все это способствовало рациональному построению словарной статьи. В ней даются грамматические формы и морфологические характеристики заглавного слова; после толкования значения слова, в скобках, следует указание на сферу функционирования и синтаксические связи слова, приводится его антоним, синоним или деривативная основа. Нужно отметить отказ авторов от толкования слов с помощью синонимов. В результате у синонимичных слов обнаруживается идентичное толкование, отражающее их семантическую эквивалентность. Синоним появляется в толковании слова только в том случае, если он не ограничен в функционировании (как устаревшее, книжное, редко употребляемое и т. п. слово). Приведем примеры описания значений слов. В молдавском языке слова *комерц* и *негоц* семантически эквивалентны, поэтому толкование их основных значений одинаково, ср. перевод толкования: «процесс реализации товаров в форме купли-продажи» (1, с. 597; 2, с. 32). Однако *негоц* обладает еще одним значением — «частная коммерческая деятельность; частная торговля», которого нет у слова *комерц*; последнее может выражать это значение только в сочета-

нии с другим словом: *комерц партикулар*. Кроме того, слово *негоц* отличается от слова *комерц* еще одной чертой — оно является устаревшим, о чем сообщает соответствующая помета в словаре. Смысловая связь между этими словами отражается и толкованием основного значения, и тем, что в статье *негоц* есть отсылка к его синониму *комерц*, но не наоборот. Для сравнения приведем толкования соответствующих слов в румынском толковом словаре, см. [6]: *сотецф* «обмен продуктами путем их купли-продажи; отрасль народного хозяйства, в рамках которой происходит обмен товаров»; *негоц* «экономическая деятельность (в частном секторе) по обмену товаров, их продаже и купле; обмен продуктов в форме купли-продажи» (кстати, это значение дано без пометы «устаревшее»).

Во втором томе словаря толкования значений точнее и лаконичнее, чем в первом. Ср., например, толкование одного из омоимечных значений у глаголов *а экзамина* «рассматривать, экзаменовать» и *а обсерва* «замечать, наблюдать». Дефиниция слова является филологической, а не энциклопедической; ср. толкование слова *препелица* «перелетная полевая птица небольшого размера с черными и белыми полосками на спине, с коротким хвостом, на которую охотятся из-за ее вкусного мяса» (т. 2) и того же слова в румынском словаре [7], где дефиниция содержит смешение филологического и энциклопедического подходов: *preperliță* «перелетная птица отряда куриных, бурого цвета с полосами на спине, на которую охотятся из-за ее вкусного мяса». Каждое значение в меру необходимости сопровождается иллюстративным материалом. Так, прилагательное *назала* иллюстрируется словосочетаниями: *фосе назале*, *кавитэцэ назале* «носовая полость», *вокала назала* «посовой гласный», *тимбру назала* «посовой тембр».

При составлении молдавского толкового словаря ставились две задачи: 1) раскрытие онтологической картины молдавской лексики путем выявления реального количества лексических единиц языка, их значений и потенциальных деривативных возможностей; 2) гносеологическое упорядочение этих единиц путем определения их в отдельных словарных статьях и фиксации возможных системных отношений среди элементов словаря. Принципы, примененные при разработке словаря, позволили внедрить некоторые новшества в способ подачи языкового материала, а именно: 1) с целью более полного отражения инвентаря лексем в отдельные словарные статьи выделены все элементы, имеющие статус самостоятельной лексической единицы; 2) с целью отражения онтологического содержания каждой лек-

семы как элемента языка особое значение уделено определению значений слова; 3) с целью представления как индивидуального, так и категориального содержания объясняемых слов в каждом случае была установлена связь между лексическим и грамматическим значением (например, лексемы *инвезати-ор*, *-оаре* «учитель—учительница» рассматриваются авторами как два самостоятельных слова, образующих оппозицию на уровне грамматической категории рода, когда речь идет о двух независимых лексических элементах) [12, 13]. Такой принципиальный подход позволил авторам словаря отразить уровень системного анализа лексики.

Особо следует отметить стремление авторов к единообразному толкованию значений слов в соответствии с частями речи, к которым принадлежат данные слова. В этом и проявилась унификация формул толкования, о которой говорилось выше. К тому же целям унификации служат указания на словообразовательные связи однокоренных слов и одинаковое толкование слов, обладающих одним и теми же аффиксами. Таким образом, читатель получает информацию о мотивированности формы слова в тексте толкования, где содержится лексема, от которой происходит или с которой этимологически связано толкуемое слово. Ср., например, *практикант* «лицо, приобретающее необходимую практику при подготовке к деятельности в определенной области»; *практичан* «лицо, хорошо знакомое с практикой стороны своей профессии»; *практикабил* «который возможно практиковать»; *который может быть внедрен в практику*; *может быть использован*; *публикабил* «который может быть опубликован»; *ревокабил* «который может быть отменен»; *рекомендабил* «который может быть рекомендован».

В связи с этим отглагольные существительные (инфинитивного происхождения) и отглагольные прилагательные, которые употребляются в именном и адъективном значении, выделены в отдельные статьи. Например, если в 1-м томе существительное *дезбэраке* «раздевание» было включено в статью о глаголе *а дезбрака* «раздевать», то существительное *дезбракат* «раздет» — в статью о прилагательном *дезбракат* «раздетый». Во 2-м томе зарегистрированы отдельные статьи для слов *а ымбрака* «одевать, надевать», *ымбраке* «одевание» (процесс — действие), *ымбракат* «одевание» (завершенный процесс), *ымбракат* «одетый». Таким же образом однокоренные существительные с различными грамматическими показателями представлены как самостоятельные величины, например, *русист* (м.р.)

и русиста (ж.р.), *тинограф*, -е (общий) и *тилограф*, -ь (м.р.). В 1-м томе в подобных случаях разные слова объединялись в одной статье, ср. *аутократ* (сущ. и прилаг.), «абсолютный монарх; деспот; тиран».

При описании глаголов важнейшей их характеристикой (в т. 2) считается переходность/непереходность. Если в 1-м томе у одного и того же глагола можно было встретить одновременно три пометы: *транз.* (переходный), *интранз.* (непереходный), *рефл.* (возвратный), например, в глаголе *а ажукче* (неперех. «прибывать», перех. «догонять», возвр. «встречаться; договариваться»), то во 2-м в словарной статье возможны только сочетания переходного и непереходного значений одного и того же глагола, например, в статьях *а неговичи* «вести переговоры; продавать», *а обиси* «устанавливать; утомляться», *а наште* «пасться» и др. Возвратные формы, которые по своей природе являются непереходными местоименными глаголами, выделены в отдельные статьи, когда в них заключены семантика непереходности и материально выраженное грамматическое значение (имеется в виду ненаправленность действия на объект и невозможность управления беспредложным вин. падежом, ср. *а се интмани* «встречаться» и *а интмани* «встречаться»). Такой принцип подачи глаголов крайне ограничен в словарях русского [1] и украинского [14] языков. Таким образом, переходность толкуется авторами рецензируемого словаря как лексико-семантическая и грамматическая категория, отсюда и отказ от признания возвратности (рефлексивности) в качестве категории однородной с переходностью / непереходностью.

В связи с этим во 2-м томе перестроена подача глаголов, традиционно называемых в молдавских грамматиках возвратными (рефлексиве): если краткую форму возвратного местоимения в вин. падеже невозможно отделить от глагола с помощью других слов без ущерба для его значения, то такой глагол считается местоименным непереходным и обретает самостоятельный статус в отличие от однокорневого переходного глагола. Так, *а се рушина* «стыдиться» считается непереходным глаголом, а *а рушина* «стыдить» — переходным; ср. еще: *а се уита* «смотреть» — *а уита* «забыть». Но если возвратное местоимение при глаголе может быть повторено репризой полной формы местоимения [ср.: *се спала не сине* «он моется», букв. «он(а) себя моет себя», *миш спала сие*, букв. «себе он(а) моет стирает себя»] или притяжательным местоимением [ср.: *миш спала камошине сале* букв. «себе он(а) стирает свои сорочки»], то в таком случае данный гла-

гол считается простым переходным, так как возвратное местоимение приобретает здесь синтаксическую функцию [ср.: *еа се спала* «он себя моет/он моется» и *еа ма спала* «он меня моет»].

В молдавском языке глагол с возвратным местоимением в вин. падеже может иметь, как и в русском, функцию страдательного залога, например, *се фаче о касз* «строится (букв. делается) дом» равнозначно выражению *о касз есте фачута* с пассивной формой глагола, в этом случае молдавский глагол *а фаче* «делать» толкуется как обычный переходный. Наконец, глаголы, выступающие в конструкциях с местоимением в дат. падеже (типа *а-шь инкипи* «представить себе») относятся к переходным, если после них может употребляться прямое дополнение в вин. падеже. Таким образом, при определении статуса глагола учитывается и его форма (морфема *се* вводится в заглавную форму статьи), и его семантика.

Любопытное решение найдено при определении переходности/непереходности глаголов со значением взаимного действия. Если возвратное местоимение в вин. падеже при глаголе может быть дополнено сочетанием *унца ку аятуца* «друг с другом» (например, *а се черта* «сориситься, ругаться»), то этот глагол считается непереходным местоименным глаголом взаимного действия. Если же возвратное местоимение может быть дополнено словосочетанием *унца не аятуца* «друг друга», тогда глагол считается переходным. Дело, однако, в том, что некоторые глаголы могут иметь оба этих управления, т. е. сочетаться как с *унца ку аятуца*, так и с *унца не аятуца*; ср.: *а (се) пэруи* «таскать друг друга за волосы»; *впешитсь друг другу в волосы*; *а (се) салута* «приветствовать друг друга; здороваться друг с другом»; *а (се) юби* «любить друг друга; испытывать любовь друг к другу», и это обстоятельство не учтено в рецензируемом словаре. Кстати, заметим, что в приведенных примерах значение собственно взаимности появляется у соответствующих глаголов только в формах множественного числа, а в формах единственного лишь тогда, когда оно эксплицируется синтаксически дополнением содвигативного объекта, например, *еа се черта ку мене* «он сорисится/ругается со мной», но *еа се черта* «он сварлив».

Это является доказательством того, как тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены в слове лексическое и грамматическое значения, как трудно их различать и как, все же, необходимо учитывать лексико-семантический и грамматический аспекты слова. Отметим, что в последнее время и румыские лингви-

сты предпринимая попытки пересмотреть традиционную группу «возвратных» глаголов, ср., например, параграфы, посвященные залого глагола в [9, с. 166—169].

В целом толковый словарь молдавского языка обобщает определенный этап в изучении современного молдавского литературного языка. Глубокое и тонкое знание лексики, использование теоретических принципов и новейших методов ее анализа позволили молдавским ученым создать ценный труд, представляющий большой интерес не только для молдавского, но и для романского и общего языкознания, для лексикологов и специалистов ряда смежных наук (историков, этнографов, культурологов и т. д.). Молдавский народ получил теперь возможность более глубоко и полно познать богатство своего родного языка и национальной культуры. Именно в этом заключается основное значение этого труда. Нет сомнения в том, что рецензируемый словарь окажет стимулирующее воздействие на дальнейшее развитие молдавского языка и культуры.

Отмечая высокий редакционный и полиграфический уровень рецензируемого словаря, в порядке пожелания считаем необходимым сделать ряд замечаний, которые могут быть учтены при последующих переизданиях словаря. Прежде всего хотелось бы, чтобы словарь был дополнен. В предисловии задачи и цели словаря определены следующим образом: «представить с надлежащей полнотой состав словаря современного литературного языка, равно как и той части лексики предшествующих периодов, знание которой требуется для чтения классической литературы, прогрессивной публицистики, научных произведений XIX — нач. XX в. и которая стала неотъемлемым компонентом современной ... культуры» (с. 5). Тем не менее в рецензируемом словаре нет слов *пашоптизм* «пашоптизм (прогрессивное движение в буржуазно-демократической революции 1848 г.)», *пращуитор* «опытитель», *радикулитэ* «радикулит», *радиодермитаэ* «ревматоидный дерматит», *спондиллоаэ* «спондилёз», *стикалопластик* «стеклопластик», *гидростат* «гидростат» и др. Очевидно, некоторые из отсутствующих слов были отнесены к диалектизмам, например, *а нинери* «достигать, попадать», *ожиноэ* «полдник», *плицэ* «плис (ткань)», *плоштинэ* «болото», *скарандиу* «капризный», *топлицо* «родник (с теплой водой)», *требуяэ* «нужда, дело», *а флекуи* «толочь», *хукэ* «глыба, ком соли», *шаран* «кари (мелкий)» или же к историзмам и архаизмам, как, например, *нахлэп* «водоворот», *пестиленэ* «чума», *табулэана* «(гурецкий) военный оркестр», *фобург* «предме-

стье». Но непонятно, почему остались за пределом реестра слова, фиксируемые в других современных словарях [15, 16], например, *пашкэ* «махорка», *палкэ* «палка, розга», *риф* «риф (мера длины)», *рытан* «свинья», *а рэжэдуи* «набрасываться (с бранью)», *смотру* «смотреть, парад», *строх* «объедки сена», *фионг* «бавать», *фэскуцэ* «кадка для сыра», *гатиэ* «гати, запруда» и др., которые встречаются в произведениях классиков молдавской литературы (И. Кригэ, В. Александри, М. Эминеску и др.) и не зафиксированы в рецензируемом словаре.

С другой стороны, составителям словаря следовало бы пересмотреть некоторые толкования с целью их уточнения. Например, слово *оштире* объясняется как «совокупность вооруженных сил страны». Но такое толкование нельзя признать удачным, ср. у И. Кригэ: *Кыте оштире стране ... ау трекит ын времэа копиэрий меле ... прии Хумулешиэ* «Сколько иноземных войск ... прошло во времена моего детства ... через Хумулешиэ». В словарной статье *парте* отсутствует широко распространенное в молдавском языке словосочетание *а аял партиэ* «быть наделенным судьбой, пострадать» (И. Некулче, К. Конаки, И. Кригэ, В. Александри и др.). В толковании слова *паяцэ* третье (переносное) значение «человек, лишенный самостоятельности, индивидуальности» стало бы понятнее, если бы ему предшествовало значение «кукла, одетая как паяц», не зафиксированное авторами.

Иногда толкования перегружены избыточной информацией, например, при объяснении лексемы *петардэ* лишними являются слова *пентру армеле де фок* «для огнестрельного оружия»; неудачно толкование *системул де скриере рудиментарэ* «примитивная система письма» к лексеме *пиктограма*, ибо пиктограммы широко используются и в наше время. В толковании глагола *а плути* «плыть» оказывается излишней лексема *мичет* «медленно» [*а се мишка (мичет) пе супрафаца унул ликвид* «медленно передвигаться на поверхности жидкости»], что почувствовали и сами авторы, взяв ее в скобки; ср. в связи с этим стихи В. Александри: *Ятэ, плутинд пе-а мэрий спумэ, о спринтеэ ковертеэ* «Вот плывет по морской пене резвый корабль», кстати, слово *спринтеэ* в словаре толкуется и с помощью прилагательного *юте* «быстрый». Лишним является определение *натуралэ* «естественный» в толковании слова *ступ* «улей», так как в молдавском языке *ступ* обозначает только рукотворный, а не естественный улей (*штюбей*).

В других случаях желательны более точные объяснения значений, например, в словосочетании *орбул гэинилор* (не

только *жемералописе*, но и *миописе*, ср. у И. Крянга) «куриная слепота», *патрула* (не только *де миштарь*, но и *де чивилъ*, ср. патрулирование добровольных народных дружин), *сос* («соус», в толковании утверждается, что лук и мука являются обязательными ингредиентами этого кулинарного изделия, что *сос алб* «белый соус», например, не содержит лука, а *сос де рошій* «томатный соус» чаще всего не содержит муки) и др.

У некоторых лексем следовало бы выделить дополнительные значения, например, значение «астма» в слове *надушало*, «шатер» — в слове *отак*, значение «совокупность документов» у слова *пакет*, «шутка, проказа, затей» — в слове *понос* (ср. у И. Крянга) и т. д. Следует уточнить место ударения в словах *обчиза* (вм. *обчиза*) «вершина, холм», *омётница* («омётница») «пороша, мучная пыль», *пеларгоніе* («пеларгоніе») «пеларгония», *пакіе* («пакіе») «рыбное блюдо, плов», *сміжники* (отсутствует ударение) «служанка», *фриптіръ* (отсутствует ударение) «жареное мясо», *фуаде* (отсутствует ударение) «варисе», *центурия* (вм. *центурия*) «центурия», а также исправить написание слов *патожіе* (вм. *патожіе*) «патогения», *ружіе* (вм. *ружіе*) «рожа (болезнь)», *соржіе* («соржіе») «источник (воды)», *тиреотоксикоз* («тиреотоксикоз»), *фележій* («фележій») «пила», *халаджиу* («халаджиу») «торговец халвой» и др.

Высказанные замечания никоим образом не умаляют достоинств рецензируемого словаря. Как уже было сказано, «Толковый словарь молдавского языка» — не только очень крупный и полезный труд, имеющий огромное практическое значение, но и во многом новаторский в теоретическом отношении, впервые представивший лексический состав молдавского языка в обновленном виде через призму современной лексикографической концепции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд. / Гл. ред. Евгеньев А. П. М., 1981—1985.

Архангельский областной словарь. Изд-во МГУ, 1980.

В 1987 г. вышел из печати 5-й выпуск Архангельского областного словаря.

В рецензируемые выпуски вошли слова на буквы А—В [общее количество — 8372 словарных статьи (без отсылочных)].

Значение данного издания для науки о русском языке весьма велико. Прежде всего в поле исследования оказались со-

2. Бабкин А. М. Новый академический словарь русского языка. Проспект. Л., 1971.
3. Шедова Н. Ю. Однотомный толковый словарь // Русский язык: Виноградовские чтения. IX—X. М., 1981.
4. Малаховский Л. В. Специальные термины в общем словаре: принципы отбора и толкования // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
5. Караулов Ю. П. Об одной тенденции в современной лексикографической практике // Русский язык: Виноградовские чтения. IX—X. М., 1981.
6. Breban V. Dicționar general al limbii române. București., 1987.
7. Dicționarul explicativ al limbii române / Cond. lucrării: Coteanu I., Seche L., Seche M. București, 1975.
8. Dicționarul limbii române moderne / Sub direcția: Macrea D. București, 1958.
9. Limba română contemporană. Fonetica. Fonologia. Morfologia / Ciompec G., Dominte C., Forăscu N. et al.; Sub coordonarea: Coteanu I. București, 1985.
10. Киселевский А. И. Об определениях в энциклопедиях и толковых словарях // ВЯ. 1979. № 2. С. 91.
11. Винокур Т. Г. Толковый словарь и языковое употребление // ВЯ. 1986. № 4. С. 16.
12. Бережан С. Г. Взаимозависимость между лексическим и грамматическим значениями в составе слова (на основе словарного толкования глаголов) // Исследования по семантике. Общие вопросы семантики. Уфа, 1983.
13. Бережан С. Г. Обусловленность словарного значения глагола его грамматическими особенностями // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
14. Словник української мови. Т. I—II. Київ, 1970—1980.
15. Дикціонар ортографіи ал лямбій молдовенешт (ку елементе де ортоепіе). Ед. а 2-а, ревизуэ ши компекта. Кишинэу, 1978.
16. Дикціонар діалектал (кувінці, сенсур, форме) / Ред. респонсабіл Удлер Р. Вол. I—V. Кишинэу, 1985—1986.

Базиан К. В., Семинский С. В.

Вып. 1—5/Под ред. Гоцовой О. Г. М.:

временные архангельские говоры, сохранявшие многие черты древнерусских диалектов, в большей части древненовгородского, в меньшей ростово-суздальского. Если принять во внимание также, что эти говоры сохранили многие черты в словарном составе, не отмеченные памятниками письменности, то значение